

Двуязычие — полезно?

Ася Перельцавайг

На Брайтон-Бич мальчик тянет моложавую бабушку за руку в сторону детской площадки и спрашивает: «Ну, там горка, ее можно влезть на!». На что бабушка, не заметив языковой пассаж внука, восклицает: «Н-н-но!», не погоняя при этом лошадь, а запрещая внуку влезть на ту самую горку. Такие и подобные сценки знакомы, наверное, и многим из читателей, ведь мы часто замечаем даже за собой такие языковые словесные «выверты», как «взять курс» (про студента в университете, а не капитана Врунгеля на яхте «Беда»!), «иметь хороший день», или услышанное мной «упасть в любовь» (калька с английского «fall in love» вместо русского «влюбиться»). В речи русскоязычных иммигрантов можно услышать много подобных примеров «смеси английского с нижегородским».

Особенно быстро и интенсивно процесс потери языка происходит у детей: уже через несколько месяцев в англоязычной среде, дети русских иммигрантов (да и других иммигрантов тоже) начинают «забывать» родной язык, а у некоторых даже вырабатывается отрицательное отношение ко всему русскому, в том числе и к языку. Для того, чтобы противостоять этой аккультурации и переходу с русского языка на английский, родителям (а еще чаще бабушкам и дедушкам) приходится постоянно разговаривать с ребенком по-русски, учить его русскому языку, петь песни на русском, читать (или заставлять ребенка читать) русские книги и смотреть русские фильмы. Многие родители специально нанимают ребенку русскоговорящую няню или отдают его в русский детский сад или школу.

Но все это требует значительных усилий и недешево стоит, а к тому же эти старания не всегда имеют успех: дети нередко отказываются говорить по-русски, а еще чаще ленятся читать русские книги. Даже в случае успеха, польза от всех этих мероприятий по поддержанию у ребенка русского языка для родителей часто неочевидна. Конечно, неплохо, чтобы ребенок владел языком предков, чтобы мог читать замечательные произведения русской литературы, да и экзамен по иностранному языку в вузе сможет пройти экстерном. К тому же не стоит забывать, что русский язык по-прежнему занесен в список «критических языков», то есть тех, носители которых необходимы для работы в области внешней политики и национальной безопасности (на преподавание этих языков федеральное правительство выделяет огромные и все увеличивающиеся средства).

Но все вышеперечисленные преимущества владения русским языком видятся многим родителям гипотетическими и потенциально реализуемыми только в далеком будущем, а вкладывать усилия, время, деньги для того, чтобы ребенок не «забыл» русский язык нужно уже сегодня. Так стоит ли эта игра свеч?

Хотя языковая политика и педагогический истеблишмент в США (причем как на федеральном уровне, так и на уровне штата в Калифорнии) настроены против двуязычия, современные научные исследования показывают, что двуязычие — особенно раннее двуязычие у детей — очень полезно. Да-да, именно полезно, и не только в культурном или прагматическом плане (стипендии, трудоустройство и т. п.). Оказывается, освоение двух языков с детства полезно и с точки зрения когнитивного формирования ребенка, в том

числе для совершенствования творческого мышления и развития внимания. Вряд ли можно относить почти повальную эпидемию синдрома дефицита внимания (по-английски, Attention Deficit Disorder) только за счет политики одноязычия в США и попыток сделать английский язык единственно приемлемым во всех сферах жизни, но определенная связь между этими явлениями все же есть.

Например, еще в 1960-70-е годы было показано, что двуязычные дети умеют мыслить более творчески, чем их одноязычные сверстники, например, они лучше справляются с заданиями, где нужно придумать необычное применение для знакомых предметов. А проводимые в последние годы исследования в области психолингвистики показывают, что двуязычные дети лучше одноязычных справляются с задачами, требующими подавления неправильной или вводящей в заблуждение информации. Происходит это потому, что двуязычный человек как бы оперирует двумя языковыми системами сразу, и для того, чтобы что-нибудь сказать, ему нужно не только правильно составить фразу на одном языке, но и, во-первых, выбрать уместный в данной ситуации язык, и во-вторых, «подавить» влияние другого языка. А подавление второго языка связано с общими функциями торможения и контроля. За эти функции отвечают определенные участки в передней части коры головного мозга: тем, кто страдает от травм в данных участках мозга, тяжело выполнять задачи, требующие переключения внимания.

А вот у детей участки коры головного мозга, отвечающие за торможение и контроль внимания, развиваются в последнюю очередь, поэтому дети чаще, чем взрослые, ведут себя, что называется, «без тормозов», и менее, чем взрослые, способны переключать внимание и выбирать необходимую информацию, игнорируя то, что может вводить в заблуждение. Например, примерно до шести лет детям трудно увидеть два возможных толкования таких изображений как эти:

Заметим, что двуязычные дети различают два профиля и вазу, старую и молодую женщину или девушку и саксофониста с большей легкостью, чем дети, владеющие лишь одним языком.

Кроме того, двуязычные дети лучше справлялись с задачами по определению размеров и множественности, особенно в присутствии вводящих в заблуждение факторов. Был проведен такой эксперимент: перед ребенком строили две башни из кубиков разного

размера (кубики «Дупло» в два раза больше кубиков «Лего»), причем башня из кубиков «Дупло» была выше, хотя и состояла из меньшего числа кубиков. Ребенку предлагалось сначала посчитать число кубиков в каждой из башен, а потом сравнить их по высоте. После этого, задавался вопрос «В какой из башен больше квартир?» (заранее было обусловлено, что каждый кубик представляет собой одну квартиру). Правильный ответ: в башне из кубиков «Лего», ведь в ней больше кубиков (хотя по высоте она меньше, потому что сами кубики меньшего размера). И двуязычные дети чаще, чем одноязычные, выбирали правильный ответ.

Кроме того, у двуязычных детей гораздо лучше, чем у одноязычных, развиты металингвистические способности, то есть они легче обращают внимание на языковые формы, независимо от передаваемого ими смысла. Например, ученые проводили эксперименты, где участникам-детям предлагалось поиграть в следующую игру: нужно было повторить произносимую экспериментатором фразу, заменив определенное слово на другое заранее условленное слово, не обращая внимания на то, как это влияет на смысл фразы в целом. К примеру, слово «мы» нужно заменять на слово «спагетти» — как вы скажете «Мы — хорошие дети»? Двуязычные дети с легкостью играли в эту игру, а одноязычные дети часто «спотыкались» о бессмысленность получившейся фразы. Заметим, что такая способность оперировать языковыми формами вовсе не так бессмысленна, как может показаться из вышеописанного эксперимента. Такое умение отделять форму слова или фразы от смысла очень полезно для изучения впоследствии других языков, поэтому неудивительно, что двуязычным людям гораздо легче учить иностранный язык, чем тем, кто с детства владеет лишь одним языком.

Итак, раннее двуязычие способствует развитию тех участков коры головного мозга, которые отвечают за торможение и контроль, что ведет к развитию внимания и умения отбирать нужную информацию, подавляя неуместные или вводящие в заблуждение факторы, а также содействует формированию творческого мышления и языковых способностей. Так что сегодняшняя психолингвистика голосует за двуязычие, и я надеюсь, что мне удалось убедить хотя бы некоторых родителей, бабушек и дедушек в том, что их усилия по поддержке русского языка у детей приносят неоценимую пользу, причем не только самим детям, но в конечном итоге, и всему обществу.

Ася Перельцавайг преподает лингвистику и психолингвистику в Стэнфордском университете и занимается изучением вопросов, связанных с русским двуязычием и преподаванием русского для студентов с русским языковым наследием.